

Евгений Цепенюк

За миллиард долларов
до конца света

Handwritten text in a cursive script, likely a transcription or commentary related to the drawing above.

Handwritten text in a cursive script, continuing the transcription or commentary from the previous block.

Евгений Цепенюк

**За миллиард долларов
до конца света**

«ЛитРес: Самиздат»

2008

Цепенюк Е. П.

За миллиард долларов до конца света / Е. П. Цепенюк —
«ЛитРес: Самиздат», 2008

Когда работа, которая тебе только снится, вдруг становится явью - это не обязательно хорошо. А что, если предложенная во сне взятка может обернуться реальными неприятностями?.. Уж лучше бы тебе снилось, что ты мудрец, которому снится, что он бабочка... Минутку! Бабочка, говорите? Та самая, которую обвиняют после каждого урагана - мол, опять неудачно взмахнула крылышками?! Нет, пожалуй, и это тоже не вариант.

Безоблачный период в жизни Семёна Степанова закончился ранним утром последнего летнего четверга. Прогуливаясь по двору вслед за своей собакой, двортерьером по кличке Лютик, дотягивая сигарету, вспоминая услышанный во сне анекдот, он наслаждался полным отсутствием планов на сегодня. Свежий ветерок укоризненно шелестел листвой: мол, это же преступление – начинать такой замечательный денёк не с зарядки! Степанов легко соглашался: в следующий раз – обязательно.

И тут его окликнул Тёзка.

Тёзка был тихим, вежливым алкоголиком, опустившимся до той шаткой ступеньки, на которой у человека ещё есть возраст, семейное положение и род занятий, но определить их на глаз уже невозможно. Он никогда не унижался до банального выклянчивания денег на выпивку – просил только на утреннее лечение, и всегда обещал вскорости отдать. А звали его, на самом деле, может быть, вовсе и не Семёном, а Александром или даже Петром, но это значения не имело. Никаких других обращений Тёзка не признавал. То ли по простоте своей, то ли потому, что психологически гораздо труднее отмахнуться от человека, с которым у тебя есть хоть немного, но общего. А может, ты и вовсе был с ним знаком в его прежней жизни?..

Обернувшись, Степанов остолбенел от изумления. Если бы не знакомый голос, он с первого взгляда ни за что бы не признал Тёзку в гладко выбритом обладателе темно-серого в полоску костюма. Со второго-то взгляда в глаза бросались завязанный пионерским узлом галстук и лаковые туфли на босу ногу, но всё равно – перемена была разительной.

– Вот, видишь, тёзка... Вроде вот как бы решил новую жизнь начать, как говорится.

Тёзка проделал трудноописуемый, но очень выразительный жест: сначала провел ладонями сверху вниз, как бы вытирая их о лацканы пиджака, затем широко развел руки в стороны и, наконец, с громким хлопком уронил их на бедра, после чего вдруг полез во внутренний карман.

– Ты вот, тёзка, человек с пониманием, не то, что вот, скажем, некоторые всякие. А я вот, раз уж думаю, такое дело, то долг – он, как говорится, платежом красен, и в ознаменование пошел вот бутылки сдал с балкона. У меня же их много там накопилось, ну и вот, соответственно, и уж раз так, то и как бы с процентами.

С этими словами Тёзка извлек из-за пазухи перемотанную куском лохматой чёрной изоляции пачку купюр. Настолько внушительной толщины, что первой мыслью Степанова было: «Ну ничего себе у него там грудь такая впалая, что пиджак совсем не топорщился!». Выдав это тонкое наблюдение, мозги Семёна застопорились, не выдержав напора информации. А рука тем временем деловито потянулась за деньгами.

Но тут вдруг Лютик, за свою долгую жизнь заслуживший репутацию самого спокойного и дружелюбного пса во дворе, угрожающе взрыкнул и показал клыки. Тёзка в испуге отскочил, выронив обналиченные бутылки. Лютик в один прыжок очутился на месте падения, задрал лапу и окатил деньги мощной струёй.

– Вот же собака! – только и вымолвил Тёзка.

– Лютик, фу! Извините... то есть, в смысле, извини, конечно, но надо же момент выбрать было как-то всё-таки... и потом, какие ещё, блин, проценты?.. Ты чего это вообще?!

– Ну и вот, значит, так и конечно! Я-то ничего – вот собачка, и та сразу правильное всё понимает. А их вот теперь отмывать надо, так что я обязательно в скорейшем сразу!.. – захлебнувшись бормотанием, Тёзка подхватил деньги из образовавшейся лужи (вернувшийся к хозяйским ногам Лютик не возражал), развернулся и зашагал к своему подъезду. Но возле самого крыльца внезапно сменил курс и, судорожно срывая галстук, рванул в сторону магазина.

– Ты можешь объяснить, зачем ты это сделал? – поинтересовался Степанов у Лютика.

– «Во многих знаниях – многия печали, дитя моё», – ответил пёс своим фирменным выразительным взглядом.

– Ну и ладно, – подытожил Степанов, и оба отправились домой, завтракать.

Конечно же, загадочное происшествие не оставило Степанова равнодушным. Боле того, он был заинтригован. Но не до потери аппетита.

Таким уж редким сочетанием душевных качеств он обладал: с одной стороны, умел замечать необычное даже там, где большинство людей проходят мимо, не поворачивая головы. С другой стороны, никогда не лез не в своё дело без спроса.

Однажды он повстречал на оживлённой улице человека в дорогом чёрном костюме и при галстуке, с букетом алых роз в одной руке и топором – в другой. Миновав снимающих предвыборный опрос телевизионщиков, человек остановил Степанова и бархатным баритоном попросил сигарету. Семён протянул открытую пачку, и некоторое время наблюдал, пряча улыбку, как тот пытается одновременно справиться с топором, букетом, сигаретой и спичками. Потом поднёс зажигалку. Человек затянулся, поблагодарил, взял топор подмышку и пошёл дальше. И Степанов пошёл дальше. Удивляясь про себя, как много людей ходят по одной и той же улице, но при этом каждый – своей дорогой.

В другой раз он увидел возле крытого рынка мужчину средних лет, с сосредоточенным видом орошавшего клумбу минеральной водой из пластиковой бутылки. Когда вся вода из бутылки вылилась, мужчина завинтил крышку и спрятал пустую тару в полиэтиленовый пакет. Потом достал из пакета такую же, но полную бутылку, отвинтил крышку (газированная минералка так и брызнула, заляпав ему брюки) и снова принялся поливать цветы. А Степанов, опять-таки, пошёл дальше. Раздумывая, почему сверкающие в солнечных лучах капли одинаково хорошо смотрятся как на лепестках анютиных глазок, так и на листьях сорняков.

Наверное, за эту особенность характера его и взяли на ночную работу.

Ночь через две, с ежегодным сорокадвухсуточным перерывом, Семён засыпал в своей постели, чтобы спустя мгновение обнаружить себя на проходной вселенского хранилища великих открытий, гениальных изобретений и научных парадигм. Ничего, кроме названия (и очевидного из названия вида деятельности) он об этом предприятии не знал, и узнавать не собирался. И ни разу, проходя вдоль полок, уставленных разнокалиберными ящиками, контейнерами и коробками, в которых от начала времён и до срока, указанного в накладной, бережно пылилась бесценная информация, не возжелал он заглянуть под крышку, чтобы выяснить, что же там конкретно находится внутри. На каждой упаковке имелась наклейка с надписью «не кантовать» и инвентарным номером – и ничего более, но этого было вполне достаточно, чтобы Степанов мог успешно справляться со своими служебными обязанностями: пару раз в месяц отгружать требуемую единицу хранения в обмен на несложные формальности. Однажды он, правда, задумался – действительно ли ряды стеллажей тянутся в бесконечность, или же просто очень далеко, но сходить проверить так и не удосужился.

Что его действительно интересовало, так это, во-первых, существуют ли аналогичные учреждения, рангом пониже, занимающиеся хранением рацпредложений, проходных диссертаций и дипломов с курсовыми; и если «да», то как же, должно быть, зашивается тамошний персонал?! И, во-вторых, почему курилочный трёп с коллегами всегда получается таким обтекаемо-абстрактным, как сферический конь в вакууме. Ладно, коллеги, так ведь и сам он, бывало, откроет рот, чтобы поделиться новостями – а выдаст нечто такое, из чего совершенно невозможно понять, коммунальное хозяйство какого города какой страны развалила «руководящая задница, имеющая значительные шансы вопреки всем усилиям оппозиции сохранить своё кресло», или на каком чемпионате не смогла достойно выступить «команда, вялость игры которой, по всей вероятности, обусловлена не вполне традиционной половой ориентацией тренера». Любой специалист по корпоративной безопасности душу бы продал за технологию, позволяющую добиться подобного эффекта!

Впрочем, Степанов не был безопасником ни во сне, ни наяву. Наяву он пять дней в неделю, с девяти утра до шести вечера минус обеденный перерыв, трудился компьютерщиком широкого профиля в одной крупной, по местным меркам, конторе. Хотя «трудился» – это, пожалуй, сильно сказано. Большую часть его рабочего времени занимали вылазки в интернет, чаепития да перекуры. Семён даже сам порой недоумевал, как же так он сумел безо всякого блага получить это место и, не ввязываясь ни в какие интриги, пересидеть на нём вот уже троих начальников – и неизменно приходил к выводу, что он, по всей видимости, интуитивно выбрал единственно правильную стратегию поведения в коллективе. А значит, ему следует, не заморачиваясь, продолжать в том же духе.

Плотно закусив, Степанов чмокнул жену, потрепал за ухом собаку и отправился на дневную работу. Обычным своим маршрутом, по руинам периода недостроек – дорогой, авансом произведённой в звание переулка, мимо голых каркасов так и не ставших жилыми зданий, через так и не сделавшийся двором пустырь, посреди которого торчал круглосуточный ларёк «Оазис» – к остановке общественного транспорта. Личным транспортом Семён до сих пор не обзавелся, потому как, во-первых, полагал автовладение делом слишком уж хлопотным, во-вторых, редко куда-либо торопился, даже если опаздывал, а в-третьих, совершенно не умел копить деньги.

На обочине возле «Оазиса» стоял чёрный джип. Не сказать, чтобы фигура Степанова была очень уж заметной, но всё же водителю надо было быть либо слепым, либо полным идиотом, чтобы тронуться с места именно в тот момент, когда Семён с ним поравнялся. И все же он определённо был кем-то из вышеперечисленных, потому что так и сделал – несмертельно, но чувствительно наподдав Степанову бампером пониже спины.

Вывалившийся с пассажирского места бычара (кто бы ни сидел за рулём, наружу он так и не показавшись) выглядел подстать пейзажу, невесть как сохранившимся реликтом: малиновый пиджак, спортивные штаны с лампасами, отбойные кулачищи. Даже мобила, болтавшаяся у него на массивной золотой цепи, была какая-то уж очень здоровенная. Первым делом реликт придирчиво осмотрел бампер, и лишь убедившись, что пострадавший здесь таки не он, обратил внимание на Семёна.

– Где болит? – осведомился он с неожиданным участием в голосе.

– А что, блин, типа непонятно?! – огрызнулся Семён, обеими руками ощупывая ушибленное. Бычара, уперев руки в боки, жизнерадостно заржал.

– Не уберег, значит, жопу, пешеход? А внимательней надо ходить, где люди ездят! Не ссы, заживет. На вот тебе на лекарства.

Отслюнявленной суммы запросто могло бы хватить на вип-лечение серьёзного перелома и ещё осталось бы на зубного, но Степанов не привык унижаться за деньги (до сих пор он всегда получал их более простым и удобным способом), а потому предпочел возжаждать справедливости:

– На штраф бабки свои прибереги! Тоже мне тут, меценат нашелся...

– И кто, значит, тут на кого наехал, я не понял?! – ещё сильнее развеселился бычара. – Твоё счастье, что я принципиальных уважаю. Я сам принципиальный. Только вот менты с тобой делиться не будут, подумай. Я не крошечка-хаврошечка, третий раз предлагать не буду.

– Перебыюсь уж как-нибудь. Да где ж он... Ага! – мобильник наконец-то выудился из кармана, и Степанов принялся судорожно вспоминать, как там набираются экстренные вызовы: через восьмерку межгород, значит, через семерку или девятку...

– Ты, главное, номер записать не забудь, – посоветовал бычара, после чего, потеряв к Семёну всякий интерес, небрежно запихал бабло в бумажник и сам влез обратно в машину; слепотупой шофёр дал по газам, и несколько секунд спустя Степанов остался в гордом одиночестве.

– Вот и сходил на принцип... – номер он запомнить успел, но толку-то с того что? Свидетелей-то нет... да и вообще, общаться с милицией... и ехать в травмпункт за справкой... да и вроде ничего серьёзного... да и хрен с ним.

Степанов постоял еще немного, переминаясь осторожненько с ноги на ногу, да и поковылял потихоньку домой: нет худа без добра, о присутствии на рабочем месте сегодня не могло быть и речи. Доверием начальства он не злоупотреблял, поэтому и безо всякого там больничного листа, под честное слово, имел право на денёк-другой постельного режима.

Вообще-то, за последние несколько лет (как раз с тех самых пор, как начались эти его «трудовые» сны) Степанову ни разу не приходилось пострадать ни от несчастного случая, ни от злоумышленника, ни даже от собственной рассеянности. Ему вообще, по жизни, везло: не то, чтобы по-крупному, зато постоянно. Потерянные вещи находились сами собой, стоило только перестать их искать; люди, чьи номера он записывал на бумажках, которые потом стирал вместе с джинсами, звонили сами, причём именно тогда, когда в них возникала нужда. Когда какие-то воры попытались взломать дверь его квартиры, сработала охранный сигнализация у соседа по лестничной клетке. А самое существенное: где-то раз в месяц Семён получал в виде лотерейного выигрыша, или калыма за невысказанную легкую, но вполне законную подработку, или неожиданной премии, или даже наследства от доселе неведомых родственников сумму денег, внушающую определённую уверенность в завтрашнем дне, а пару раз в год – так и просто большую.

Разумеется, жизнь Степанова нельзя было назвать вполне беззаботной. Во-первых, любой, даже самый успешный везунчик имеет свои основания для жалоб на судьбу: у одного, как говорится, суп не густ, а у другого жемчуг мелок. А во-вторых – опять же, сны. Не то, чтобы они его мучили – напротив, он просыпался бодрым и полным сил, но... скажем так, они его беспокоили. Особенно с тех пор, как Семён подметил, что отмеренная незримой рукой порция везения заметно сокращается всякий раз, когда ему случалось, подзагуляв, упасть в кровать под утро – но отнюдь не под всякое утро, а только под то самое, которое одно через два.

Увы, но Степанов родился не в той стране, вырос не в той среде и жил не в том городе, чтобы доверить содержимое своей черепной коробки профессионалу-психоаналитику. Максимум, что он мог себе позволить – периодически покупать книжки из серии «психология для чайников». Семён штудировал их от корки до корки, выполнял практические рекомендации – до того старательно, что заимел несколько бесполезных привычек (например, во время разговора внимательно наблюдать за жестами собеседника). Но в итоге неизменно убеждался в том, что «познать себя» ему не по силам. Этот вывод, как ни странно, действовал на Степанова успокоительно – и он снова на некоторое время становился беззаботным лентяем.

Дома Степанова поджидали мягкий диван, который можно было дооснастить дополнительными подушками, ноутбук с модемом и, как финальный аккорд симфонии мещанского блаженства, холодное пиво. Вот только Нада уже успела упорхнуть в своё дизайн-бюро, так что Семёну пришлось ухаживать за собой самостоятельно. Да и это, впрочем, тоже было к лучшему: жену он любил, но слова «уют» и «покой» ассоциировал с тишиной и одиночеством.

Расположившись с комфортом, Степанов отзвонился начальству, подключился к интернету и полез проверять почту. Служебный ящик был пуст, а вот в личный упало аж сто девяносто восемь писем. И что-то подсказывало Семёну, что далеко не все они – от друзей и знакомых. По крайней мере, не от тех, кого он сам считал своими друзьями и знакомыми.

Надо сказать, Степанов отнюдь не поддерживал призывы заливать офисы спаммеров напалмом. Как и многие по-настоящему благополучные (то есть не боящиеся в любой момент всего лишиться) люди, он был склонен к мягкотелому благодушию: ну подумаешь, пара сотен нажатий на Delete – будь это клавиши с буквами, получилась бы коротенькая и совсем не обя-

зательно умная фразочка. И вообще, в реальной жизни тратить время и внимание на ерунду приходится гораздо чаще. А при должном настрое от чтения рекламных рассылок можно даже получать удовольствие. Пусть не такое эстетское, как от очередного сборника «Каннских Львов», но зато азартное – как у биолога, изучающего мутации особенно живучей разновидности сорняка.

В первом послании, призывавшем избавиться от никотиновой зависимости с помощью новейшей патентованной методики (быстро и без сожалений), Степанова позабавил постмодернистский заголовок: «Не хочешь быть курильщиком – не будь им! Кзмпркв», но содержание не впечатлило. Бросать курить Семён не собирался не столько от отсутствия силы воли, сколько от избытка скептицизма. То есть не то, чтобы его, скажем, не пугало зрелище заспиртованных курильщицких легких, но хотелось бы сначала убедиться, что легкие мёртвых не-курильщиков выглядят как-то иначе (уж не сочтите за кошунство, но здоровые люди тоже не бессмертны). А по умолчанию он воспринимал любую антитабачную кампанию не как пропаганду здорового образа жизни, но как чью-то попытку переложить ответственность за раковую статистику на чужие плечи. Потому что ещё неизвестно, чем вреднее дышать: сигаретным дымом или же обычным городским воздухом.

Автор(ы) следующего предложения, изложенного в сухом бизнес-стиле и озаглавленного «Руководителю предприятия!», воздав должное деловым заслугам и авторитету получателя, приглашал(и) его(её) на «семинар по актуальным вопросам управления пирсаналом». Попад по назначению, письмо, пожалуй, могло бы произвести надлежащее впечатление, несмотря на орфографические ошибки – если бы не обращение «Уважаемый(ая) господин(жа) s_stepanov!».

Третье письмо – типичный продукт местечковой мегаломании – в выражениях, тупо скопированных из глянцевого журнала, заманивало гостей города насладиться потрясающим комфортom шикарных номеров многозвёздочного отеля «Маяк».

Прочая корреспонденция, отправленная со ста девяносто пяти разных адресов, содержала один и тот же текст: «Привет! – писал пожелавший назваться Лёхой доброжелатель, – Вот думаю туда пишу или нет. Я твой адрес стер нечаянно, сейчас только вспомнил. Можешь посмотреть, хохотал полчаса (ссылка на картинку). Помнишь мы спорили что можно получить кучу бабок за простотак? Вот сайт (ссылка на сайт). Надо только зарегистрироваться, зато ничего потом больше делать не надо. У меня кстати новая девушка, ей правда всего 18, но ничего так, стройная. Ты не теряйся – пиши».

На картинку, оказавшуюся экспонатом кустарной «мегалереи фотоприколов», Степанов глянул. Из чистого любопытства, в котором сразу же и раскаялся: последней свежести тётка, самозабвенно отдающаяся троиm татуированным качкам – зрелище само по себе на редкостного любителя, а тут ещё всем участникам мероприятия кто-то неумело прифотошопил головы популярных телеюмористов. Впечатление, произведённое коллажом (у него, между прочим, и название имелось: «Ну, и кто тут говорил, что в шоу-бизнесе одни пидорасы?!») было столь отталкивающим, что следующие полчаса Семёну пришлось посвятить чтению доброй старой бумажной книги.

Лишь после этого он нашёл в себе силы вернуться в интернет. Поучаствовал в обсуждении нового голливудского блокбастера (фильм Степанову не понравился, но вовсе не потому, что, как выразился некий Красный Пых, «все пиндосы – тупые уроды»). Выяснил, что нового произошло в жизни и в политике (ничего нового, ничего хорошего: террористы захватили заложников, в Тихом Океане затонул батискаф, горячую воду обещали дать не раньше октября). И, наконец, занялся обновлением корпоративного вебсайта, за каковым занятием сначала задремал, легко и сладко, а потом вдруг провалился в глубокий сон, как в чёрный омут.

Степанов обнаружил себя стоящим посреди двора, залитого потоком света – столь равномерным и интенсивным, что он смыл отовсюду и тени, и оттенки цветов. Очень хотелось посмотреть, что там такое случилось с солнцем, но голова почему-то отказывалась задирается. Было тихо и душно. И ни души, только здоровенная ворона подрёмывала на перекладине неподвижных качелей. И ничего не происходило до тех пор, покуда Степанов сам не шевельнулся – в тот же миг ворона, всхлопнув крыльями, сорвалась в воздух и понеслась прямо на него, но чем ближе она подлетала, тем медленнее, словно бы двигаясь против сильного ветра (Семён и в самом деле ощутил холодок спиной и затылком); чуть ли не в метре совсем остановилась, бешено молотя крыльями, вытянув к его лицу когтистые лапы, затем «свечкой» взмыла вверх и пропала из виду.

Теперь Семён и в самом деле почувствовал движение воздуха. Вздохнув пару раз робко и неуверенно, ветер быстро окреп, подхватил с тротуара пыль и окурки, потащил куда-то, и стало совсем неудобно. Подталкиваемый в спину, Степанов сделал шаг, другой и вдруг понял – да это же его собственный двор! А вон и его подъезд. Ещё пара шагов – и он вдруг оказался на крыльце.

На площадке нежилого первого этажа всё было почти как обычно: неудобно, но чистенько. Сине-зелёные стены, многозначительная (и единственная: дети первого поколения жильцов уже выросли, но ещё не успели завести своих) надпись «Здесь был ты!» между ржавой батареей и трубой бездействующего мусоропровода. Только вместо замурованного проёма, за которым должна была находиться колясочная, давным-давно сданная ЖЭКом в аренду под продуктовый магазин, матово поблёскивала металлическая дверь. Слегка приоткрытая (Степанов почему-то сразу решил, что она приоткрыта не просто так, а зазывно).

Порывшись в карманах, Семён выудил пятирублёвую монетку. Загадал: орёл – заглянуть за дверь, решка – посмотреть, что там на следующих этажах. Подкинул: выпал орёл. Подкинул ещё раз, для верности: снова орёл. Но Степанов уже решил, что дверь выглядит подозрительно, и входить в неё ему совершенно не хочется. Он всегда считал, что гадание нужно не для того, чтобы указывать человеку, что ему делать, а затем, чтобы помочь ему своим умом разобраться в своих же запутанных мыслях. Спрятав монетку обратно, Степанов начал подниматься на второй этаж...

...и оказался снова на первом. Труба, батарея, настенная надпись, приоткрытая железная дверь. Только теперь здесь стало как будто бы чуть темнее. Поборов недоумение, он предпринял ещё одну попытку подъёма...

...буквы «есь» в узкой полосе света, льющегося из приоткрытой двери; внезапно сгустившиеся сумерки замазали остальное, но это, определённо, было то же самое «здесь». Поборов панику, Степанов поднялся на три четверти пролета, а потом метнулся вниз по ступенькам...

...попытался выйти обратно на улицу...

...постоял немного, переводя дух. И, вытянув на всякий случай перед собой руки, осторожно пошёл на свет.

Ярко освещённая комната за дверью оказалась его собственной гостиной. Сам он лежал на диване с ноутбуком на коленях, в той же позе, в которой заснул, и негромко похрапывал. К дивану были придвинуты журнальный столик (на котором стояли две чашки, цветастый китайский термос и сахарница) и два кресла. В одном из кресел расположился мужчина лет сорока с небольшим: внешности мужественной, но не грубой; одетый в костюм тёмных тонов, но не то, чтобы строгий; без особых примет и ярко выраженных национальных признаков, но, что называется, видный. В общем, располагающий наружностью чрезвычайно располагающей, но при этом совершенно незапоминающейся. На второе кресло незнакомец широким взмахом руки указал застывшему в дверях Степанову:

– Присаживайтесь, Семён Валерьевич. Мы вас уже, право слово, заждались. Неужто заплутали?

– Кто это «мы»? – огрызнулся Степанов. – Николай Второй?

– Ну почему же «второй»? – дружелюбно заулыбался мужчина, с заметным усилием поднимаясь на ноги. – Первый и единственный в своём роде. Николай Вениаминович Осмодуй, для вас, если пожелаете – просто Николай.

Николай протянул руку. Степанов автоматически отметил: большой палец отставлен, остальные плотно прижаты друг к другу, напряжённая ладонь строго перпендикулярна полу. Пожимать не стал. Николай, не переставая улыбаться, трансформировал зависший жест в повторное приглашение:

– Так вы присаживайтесь, прошу!

– Да я как бы уже лежу, – Степанов выразительно кивнул в направлении дивана.

– Два превосходных каламбура за столь непродолжительный период времени! Вы, я вижу, действительно наделены острым умом. Это прекрасно: теперь я совершенно не сомневаюсь в успешном исходе предстоящего нам с вами диалога. И всё же в ногах, как говорится, правды нет... но нет её и выше! Видите, я тоже умею играть словами.

– Я полагаю, что вправе потребовать немедленных разъяснений... то есть что вы тут вообще делаете в моей квартире?!

Степанов вовремя поймал себя на том, что чуть было не заразился витиеватой манерой Николая. Но, перейдя обратно на нормальный язык, вдруг почувствовал неловкость, словно бы ни с того, ни с сего нагрубил хоть и незваному, но деликатному гостю.

– Вы, по всей вероятности, собирались сказать «в вашем сне»? – на лице Николая не промелькнуло ни тени смущения. – Ну разумеется, Семён Валерьевич, вы получите все необходимые разъяснения. Только убедительно вас прошу: не стоит воспринимать происходящее, как это у вас говорится... ах да, по умолчанию – и сразу в штыки. Вы ведь, как мне кажется, не выказывали особого недовольства давешней ночью, по поводу нежданного визита вашей сослуживицы Татьяны Михайловны?..

Николай, вопросительно приподняв левую бровь, выдержал небольшую паузу, но Степанов от изумления, смущения и возмущения временно лишился дара речи.

– Уверяю вас, ни одна из ваших пикантных грёз никоим образом не умаляет восхищения, которое вызывает во мне ваша действительная супружеская верность. Более того, мы со всем уважением, на которое только способны, относимся к вашей, как это модно сейчас называть, приватности – потому, собственно, и не позволили бы себе ни при каких обстоятельствах вторгнуться в ваше жилище наяву. Вышеприведённый пример потребовался лишь затем, чтобы наглядно продемонстрировать: в мире, так сказать, сновидений, действуют нормы поведения, отличные от тех, которых вы придерживаетесь, бодрствуя. Да и, в конце концов, нас никоим образом не интересуют ваши частные сны.

– А какие же тогда интересуют? Общественные, что ли?!

– Вы меня прямо-таки смущаете: вот так, буквально с полунамёка, уловить суть дела! И всё же... мне, право, неловко, но вы меня чрезвычайно обяжете, если согласитесь продолжить нашу беседу, приняв более удобное положение...

– Ладно, ладно, – Степанов опустил в кресло. – А вы меня чрезвычайно обяжете, если перейдёте, наконец, прямо к тому, что я там, по-вашему, уловил.

– Ох, благодарствую... нога, знаете ли – старая травма даёт о себе знать... А всё же замечу, что и вкус ваш меня восхищает: эта Танечка... кстати, причёска у неё на любопытном месте наяву немного другая – такой, знаете ли, игривой полосочкой...

– Да кто вы, наконец, такой, и чего вам от меня надо?!

– Кто я таков – это как раз к делу не относится, – отрезал Николай, и сквозь бархат его баритона вдруг почувствовался иной, куда более жёсткий материал. – Важно, кого я представ-

ляю. А представляю я некую организацию, никоим образом не благотворительную, но своими действиями нередко оказывающую положительное влияние на самые разные аспекты... скажем так, общественной жизни. Весьма влиятельную и традиционно предпочитающую не афишировать свою деятельность. Но с теми службами, о которых вы, вероятно, сейчас подумали, ничего общего не имеющую. Уверен, что прочие подробности вам совершенно не интересны.

– Ну почему же...

– Потому, что вы, Семён Валерьевич – разумный человек. И вас, как всякого разумного человека, в гораздо большей степени занимает предложение, которое мы собираемся вам сделать. Чертовски, я бы сказал, заманчивое предложение. Как насчёт чашечки кофе?

– Кофе? – недопонял Степанов. – Нечего сказать, выгодное предложение!

– Нет-нет, я в смысле угощения! Совместное распитие кофе является частью ритуала делового общения и не накладывает на вас никаких обязательств по отношению к представляемой мной организации, – последнюю фразу Николай оттарабанил хорошо заученной скороговоркой. – Вам с сахаром?

Сделав пару глотков, Степанов отставил чашку: напиток оказался бурдой, какую надо ещё суметь намешать. А вот Николай свою порцию выхлебал чуть ли не залпом. После чего энергично хлопнул ладонью по подлокотнику и заявил:

– А действительно, приступим-ка мы с вами, наконец, к делу!.. Итак. Немногим менее чем через сутки с половиной вы, как обычно, заступите на дежурство. Разумеется, я имею в виду отнюдь не эту вашу информационно-технологическую синекуру, но место исполнения ваших подлинных обязанностей. Всё будет проходить обычным образом, без каких-либо инцидентов. Ближе к утру прибудет представитель транспортного департамента с документами на получение груза. Бумаги у курьера будут в полном порядке. В полном соответствии с должностными инструкциями вы произведёте выдачу указанной единицы хранения, внесёте соответствующую запись в журнал, а затем вернётесь к рутинным занятиям. В качестве стимула к тому, чтобы всё произошло именно так, как я только что описал, мы готовы предоставить вам в личное пользование значительное количество земных благ в удобной для вас форме.

– И в чём здесь подвох? – без обиняков поинтересовался Степанов.

– Помилуйте, Семён Валерьевич, ну откуда в моих словах взяться подвоху?! – всем своим видом Николай выражал искреннюю, хотя и по-детски преувеличенную, обиду. – Позвольте полюбопытствовать, что именно вас насторожило?

– Вы, конечно, извините, но, во-первых, это всё вообще как-то несерьёзно...

– Так и замечательно! Тем легче вам согласиться, не правда ли?..

– А во-вторых: если вы сами же настаиваете, чтобы я делал всё по инструкции, то зачем, вернее, за что предлагаете взятку?!

– Взятку? Это вы о чём? – Николай недоумённо нахмурился. – Вы же сами только что наиточнейшим образом сформулировали: речь у нас идёт о стимулировании. Понимаете? Не более и не менее того. Можно сказать, о премии за безупречную службу, назначенной из стороннего источника.

Степанов отметил про себя, что слово «стимул» на самом деле употребил вовсе не он, но вслух спросил о другом:

– А ведь вы заявляли, что организация у вас никоим образом не благотворительная. Неувязочка получается.

– Вы просто-таки вынуждаете меня пойти на откровенность! – произнёс Николай с интонациями, которым больше соответствовали бы слова «вы делаете мне огромное одолжение». – Дело в том, что реализация содержимого интересующего нас контейнера в настоящее время, вообще-то, не входит в планы вашего руководства. Но! Лишь от вашей доброй воли зависит, будут ли все необходимые документы соответствовать предъявляемым требованиям.

– Попросту говоря, вы хотите, чтобы я выдал груз по фальшивой накладной?

– Семён Валерьевич, миленький! Право слово, сторонний наблюдатель мог бы сейчас вообразить, будто мы с вами планируем кражу мешка гнилой картошки из урюпинского районного овощехранилища. Нет, на самом деле всё гораздо сложнее, и в то же время проще. Как бы это изложить наименее запутанным образом...

– А вы начните с начала.

– И снова – в самую суть! Да, вы совершенно правы, всё дело в причинно-следственных связях. Вот, скажем... да хоть тот же Ньютон. Как вы полагаете, почему яблоко упало ему на голову?

– Ну... – Степанов слегка замялся, хотя прекрасно помнил ответ, – потому, что на яблоко подействовал закон всемирного тяготения.

– Действительно, так принято считать. Но, остановившись на этой версии, наделённый сколько-нибудь пытливым умом человек (например, ребёнок) не может рано или поздно не задаться вопросом: а почему, собственно, закон всемирного тяготения подействовал на яблоко?.. Потому, что этот закон действует вообще на все объекты во вселенной?.. А почему, собственно, он действует на все объекты во вселенной?.. Потому что так уж наша вселенная устроена?.. А почему наша вселенная устроена именно так?.. И так далее. Как видите, детским вопросам никогда не будет конца, потому что ни один ответ не будет достаточно полным, чтобы его можно было счесть окончательным. Или, может быть, вы знаете такой ответ?

– Да я как-то над этим вообще не задумывался, – пожал плечами Степанов. – Наверное, что-то не так с моим умом.

– С вашим умом, Семён Валерьевич, всё более чем в порядке. Просто вы уже не ребёнок. Вы устали от детских вопросов, и это совершенно естественно. Ну, так вот вам взрослый ответ: яблоко упало на голову Ньютону потому, что тот сидел под яблоней. Простое и изящное, а, главное – исчерпывающее объяснение! Так вот и в нашем конкретном случае, Семён Валерьевич: накладная, как и все прочие документы, будет самой, что ни на есть подлинной потому, что вы не обнаружите в ней ни малейшего изъяна.

– А изъяна я не обнаружу потому, что соглашусь на ваше предложение? – догадался Степанов.

– Совершенно верно! А согласитесь вы потому, что примете предложенное нами вознаграждение.

– А если не приму?

– Тогда вы, разумеется, обнаружите попытку подлога и, как ответственный работник, будете вынуждены не только отказать в запрашиваемом, но и подать сигнал в отдел безопасности. Чего мы, разумеется, никак не можем допустить.

– Теперь вы меня шантажируете? – насторожился Степанов.

– Что вы, даже не пытаюсь! – шутливо отмахнулся Николай. – Да и ни к чему это. Позвольте на всякий случай ещё разок уточнить: всё, что от вас требуется – принять заслуженное вознаграждение. И можете потом хоть десять раз тщательнейшим образом перепроверять документы – придраться будет не к чему.

– Всё равно бред какой-то, – поморщился Степанов. – Ну, да ладно. В любом случае, вы ведь не ждёте, что я соглашусь... или не соглашусь прямо сейчас?

– Разумеется! Времени у нас с вами более чем достаточно. Хотя я бы на вашем месте особенно не задумывался. Знаете, как в пословице: дают – бери... Да, кстати! Примите мои искренние извинения за неудобства, причинённые действиями моих не в меру ретивых коллег. Особенно за дорожно-транспортный инцидент, – Николай сокрушённо покачал головой. – Насколько мне известно, водителю было предписано почти, я подчёркиваю – почти совершить наезд, но он, увы, не отличается остротой ни зрения, ни ума. Поверьте, лично я тут не при чём: предпочитаю договариваться, так сказать, полюбовно... но, как вы, конечно, понимаете, в любой достаточно крупной организации правая рука просто не в состоянии полностью кон-

тролировать действия левой. Так что, пользуясь случаем, прошу уж заодно не держать на меня зла и за всё, что может случиться в дальнейшем.

– Та-ак, – протянул Степанов, стараясь, чтобы его голос звучал как можно спокойней. – И что же может случиться?

– Ну откуда же я-то могу знать, Семён Валерьевич! – Николай выразительно развёл руками. – Есть множество различных способов достигнуть одной и той же цели. Более того, причитающиеся вам блага вовсе не обязательно должны иметь денежную форму – да и вообще материальную. Со своей стороны могу лишь обещать, что приложу все возможные усилия к тому, чтобы кое-кто не слишком увлекался эффективностью в ущерб этическим нормам, но... гарантировать ничего не могу.

Он внезапно замер, словно бы к чему-то прислушиваясь, затем договорил торопливо:

– Предлагаемый мной вариант оптимален, но, в сущности, всё зависит от вас. Вы ведь запомнили номер автомобиля? Допишите к нему необходимое число нулей – и звоните. В любое время. А сейчас я вынужден откланяться. Да, и мои наилучшие пожелания вашей супруге передавать, пожалуй, не стоит.

В глазах у Степанова помутилось, всё как-то побледнело, поплыло, и в следующий миг он обнаружил себя напряжённо всматривающимся в мельтешение теней от листвы на потолке собственной гостиной.

Из прихожей, меж тем, сквозь радостный лай и топотание послышался шелчок отпираемого замка, а затем донеслось удивлённое «Сёма, ты, что ли, дома?».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.